

одних случаях оно зависит от смыслового веса определений: рядом с определяемым находится определение, выражающее более подчеркиваемый в сочетании признак, в других — от степени постоянства признака: ближе к определяемому ставится определение, выражающее более постоянный признак. А. М. Гребнева (Саранск) проанализировала словообразовательный элемент, характерный при образовании флористической лексики как мордовских литературных языков, так и диалектных подразделений. Н. В. Бутылозом (Саранск) установлены критерии разграничения булгаризмов и тюркизмов, вошедших в мордовские языки через русский. М. В. Мосиным (Саранск) прослежены особенности переразложения в морфемной структуре слова. Он пришел к выводу, что отграничение словообразовательного анализа от морфологического в структуре одного и того же производ-

ного слова позволяет избежать ошибок в определении в нем корневых и служебных морфем. О. Е. Поляков (Саранск) проследил историю развития древнего заднеязычного носового согласного в мордовских языках, где он претерпел различные изменения: в приалатырских, нижнепьянских говорах сохранил свое древнее качество, в других эрзянских и мокшанских диалектах этот согласный представлен *n, ñ, v, ʃ, j, t, p*. С. Ширманкина (Саранск) сопоставила семантические и структурные особенности фразеологических единиц мордовских и венгерского языков. Н. Ф. Мокшин (Саранск) на архивных материалах русского делопроизводства XVI—XVIII веков дал анализ выявленного им корпуса мордовских дохристианских женских имен, показал их структуру и этимологию, связь с социальным строем мордвы на разных этапах исторического развития.

М. В. МОСИН (Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1991.2.21>

Ряд докладов рассматривал проблемы мари́йского языка. Доклад Ю. В. Андуганова (Йошкар-Ола) «К эволюции форм зависимых частей субстантивных конструкций в финно-угорских языках», сделанный на секции «Общее финно-угроведение», был посвящен выяснению корней происхождения притяжательных синтаксических образований. Имеющийся в распоряжении автора материал по уральским языкам позволяет предположить, что еще в прауральский период определительные части притяжательных субстантивных конструкций вполне могли выражаться именами как в номинативе, так и в генитиве. При этом каждая из этих форм в своем употреблении преследовала определенную задачу. Так, номинативная определительная часть называла, по всей очевидности, неопределенного посессора, а генитивная — более конкретного, определенного.

Н. Н. Глухова (Йошкар-Ола), «Ком-

муникативно-прагматические характеристики текстов мари́йского фольклора», ознакомилась с результатами семантического анализа лексики 40 сказочных и 40 молитвенных мари́йских текстов. Компонентный анализ, который позволил классифицировать лексику обоих жанров, показал избирательность ее в сказке и молитве на общезыковом фоне. Привлекают внимание любопытные факты. Например, сравнивая имена существительные, автор обнаруживает, что в молитве содержится 24% абстрактных существительных, а в сказке — всего 6%. В обоих жанрах преобладают глаголы деятельности, тем не менее в сказках достаточно велик процент глаголов движения. В докладе уделяется место также средствам достижения выразительности и высокой художественности текстов.

Л. П. Грузов (Йошкар-Ола) в своем докладе «Фонологическая проницаемость в условиях билингвизма (на материале

финно-угорских языков)» рассмотрел основные проблемы, связанные с фонологической проницаемостью, в частности, остановился на причинах, возможностях и условиях таковой относительно отдельных фонем русского языка и некоторых финно-угорских языков. Заслуживает внимания ряд положений доклада. Л. П. Грузов отметил, что заимствуются из соседних языков (разумеется, лексическим путем) в первую очередь те фонемы, которые потенциально могли бы быть в самой системе заимствующего языка. Вместе с тем строгая организованность, исторически сложившаяся в системных отношениях фонем, отличается особой прочностью, она, как правило, не проницаема. Пробиваемыми оказываются лишь периферийные участки фонологической системы заимствующего языка. Автор рекомендовал предельно всесторонне подходить к вопросам определения фонемного статуса заимствованных звуков, так как поверхностный подход может привести к ложным выводам, как это иногда случается.

З. Г. Зорина (Йошкар-Ола) в своем докладе «Фонетическая и фонологическая интерпретация гортанной смычной в марийском языке» сделала попытку доказать, что в горномарийском наречии марийского языка существует гортанный смычный звук с признаками фонемы.

А. Н. Куклин (Йошкар-Ола), «Угорские элементы в топонимии Марийской АССР», обратил внимание слушателей на то, что эта проблема остается одной из сложных и недостаточно разработанных и прямо или косвенно связана с многочисленными вопросами как этнического, так и лингвистического характера. На основе археологических и топонимических данных докладчик предполагает наличие былых контактов небольшой части обских угров с меря, мари, удмуртами и коми. Некоторые топонимы, интерпретируемые отдельными исследователями на основе угорских языковых данных, автором оспариваются как саамские, а для конст-

руктивного решения этимологии географических названий *Помары, Шайра, Юнга, Ярамарий* и др., по его мнению, нужны дополнительные лингвистические изыскания.

Г. М. Тужаров (Йошкар-Ола) представил на суд собравшихся доклад на тему «Проблема немаркированного имени и функции номинатива в марийском языке», который был зачитан Ф. И. Гордеевым. Как было отмечено при обсуждении, автор, к сожалению, не добавил ничего существенного к ранее сказанному им в работах на подобную тему.

«Древнейшие марийско-венгерские связи по данным антропонимии» — так назывался доклад С. Я. Черных (Йошкар-Ола). В нем исследователь анализирует множество марийских личных имен с точки зрения их происхождения, привлекая венгерский материал. Автор заключает, что венгры, оставшиеся в Поволжье и Приуралье после переселения их сородичей, вошли не только в состав башкир, как раньше полагали исследователи, но смешались также с мари и другими финно-уграми.

К настоящему времени установлено иранское происхождение около 30 слов в марийском языке. Этот список может быть значительно дополнен. Иранские заимствования можно объединить в следующие тематические группы: а) время и пространство, б) органы и части тела, в) орудия труда, г) пища, д) природа и явления, е) растения и животные, ж) религия и погребальный обряд. Об этом говорилось в докладе Д. Е. Казанцева (Йошкар-Ола) «Состояние изучения диалектов марийского языка». Докладчик подробно остановился также на фонетическом освоении иранских заимствований. Кроме того, Д. Е. Казанцев отметил, что для установления времени и территории контакта марийцев с иранскими племенами определяющее значение имеет материал археологических памятников начала н. э. на правом берегу Средней Волги.

ЮРИЙ АНДУГАНОВ (Йошкар-Ола)